

УДК 34.096
DOI 10.36511/2078-5356-2021-1-62-68

Супрунов Александр Германович
Alexander G. Suprunov

кандидат юридических наук, первый заместитель начальника (по учебной работе)
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

candidate of sciences (law), first deputy head (for academic work)
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: suprunov1@mail.ru

Васильева Ульяна Вячеславовна
Ulyana V. Vasilieva

магистрант Восточного факультета
Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Санкт-Петербург, ул. Университетская набережная, 7-9-11в)

master's student of the Oriental faculty
Saint Petersburg State University (7-9-11v Universitetskaya Embankment st., St. Petersburg, Russian Federation, 199034)

E-mail: vasiljeva.ulyan@yandex.ru

Конституционное право Ирана на фоне коллизии международного и мусульманского права исламского государства

The constitutional law of Iran against the background of the conflict of international and Muslim law of the Islamic State

Конституция и внутреннее законодательство Исламской Республики Иран (ИРИ) отличается своим специфическим отношением не только к нормам мусульманского права, но и положениям международного права. Конституция Ирана признает несомненный приоритет мусульманского права над нормами не только внутрииранских законодательных актов, принятых Меджлисом страны, но и Конституции ИРИ. Одновременно с этим нормы международного права приравниваются иранским законодателем к нормам внутреннего права. Возникающие в связи с такой правовой позицией духовных и светских властей Ирана правовые коллизии международного права и правовых положений мусульманского права и Конституции ИРИ стали содержанием данной статьи.

Ключевые слова: международное право, мусульманское право, Конституция, коллизия норм права, оговорка, международный договор, конституционные нормы.

The Constitution and domestic legislation of the Islamic Republic of Iran is distinguished by its specific attitude not only to the norms of Muslim law, but also to the provisions of international law. The Constitution of Iran recognizes the undoubted priority of Muslim law over the norms of not only domestic legislative acts adopted by the Majlis of the country, but also the Constitution of the Islamic Republic of Iran. At the same time, the norms of international law are equated by the Iranian legislator with the norms of domestic law. The legal conflicts between international law and the legal provisions of Muslim law and the Constitution of Iran arising in connection with this legal position of the spiritual and secular authorities of Iran have become the content of this article.

Keywords: international law, Islamic law, the Constitution, the conflict of law clause, an international Treaty, the constitutional norms.

Действующая в настоящее время иранская иерархия юридических норм устанавливает аб-

солютный приоритет исламского права в его интерпретации школой права Джафари. Шиитское

© Супрунов А.Г., Васильева У.В., 2021

исламское право имеет непререкаемый приоритет как перед Конституцией и законодательными актами, принимаемыми Меджлисом страны, так и над положениями международных договоров Ирана. В данной статье мы намерены провести краткий анализ влияния мусульманского (исламского) права на положения Конституции ИРИ, нормы внутригосударственных законодательных актов и положения международного права, реализуемые на территории Ирана.

Исламской Республикой Иран ратифицирована основная часть базовых международных договоров в области прав человека. Определяя степень влияния международных договоров на систему юридических норм страны, статья 9 Гражданского кодекса Ирана прямо закрепляет: «Положения договора, заключенные между Ираном и другими государствами, согласно Конституции разделяют силу закона» [1, с. 300].

Следовательно, нормы международного права, ратифицированные Меджлисом, в соответствии с положениями Конституции ИРИ признаются равными по своей юридической силе обычным законам, принятым представительным органом власти страны, согласно внутрииранской иерархии правовых норм. В результате Конституция и иранское законодательство предусматривают возможность ссылаться в национальных судах на положения международного права и нормы международных договоров. Судебная система Ирана однозначно подтвердила этот вывод на примере Международного пакта о гражданских и политических правах [2]. Поскольку соответствующие положения международных договоров составляют неотъемлемую часть иранской правовой системы и имеют статус, равный закону, принятому Меджлисом страны, в иерархии норм, в случае противоречия между таким положением и нормой закона ИРИ подлежит применению правило *lex posterior derogat legi priori*, в соответствии с которым преобладает более поздняя норма [3, с. 78]. Однако, несмотря на то что положения международного права имеют одинаковую юридическую силу с иранскими законодательными актами, нормы международных договоров имеют более низкий ранг в сравнении с законами, принятыми Меджлисом.

Тем не менее статья 4 Конституции Ирана, согласно которой все нормы, включая положения самой Конституции, должны в полной мере соответствовать исламскому закону Джафаритов, прямо предусматривает специфику правовой системы Иранской Республики. Поскольку международные договоры равнозначны

по своей юридической силе «парламентским» законам, а последние согласно статьям 4 и 72 Конституции ИРИ не должны противоречить исламскому праву, положения международных договоров в Иране подчиняются не только Конституции, но и нормам мусульманского права. Следовательно, с точки зрения иранской правоприменительной доктрины вполне логично, что должностные лица иранских органов представительной и исполнительной власти различного уровня констатируют, что в случае противоречия между положениями Международного пакта о гражданских и политических правах и нормами мусульманского права последние имеют преимущественную силу.

Значительная часть депутатов Меджлиса Ирана отдают приоритет внутреннему законодательству и отрицают какую-либо обязательную силу положений международного права, которые входят в противоречие с иранским законодательством или тем более с мусульманским правом. Эта тенденция прямо отражается в Законе ИРИ, регулирующем присоединение Ирана к Конвенции о борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ [4, с. 133]. При официальном присоединении к Конвенции Иран сделал оговорку в отношении особенностей применения на территории ИРИ статьи 6 Конвенции в части выдачи лиц, имеющих гражданство Иранской Республики, и не оговорил никаких ссылок на нормы ислама или мусульманского права. Несмотря на это, принятый Меджлисом Акт о присоединении ИРИ к Конвенции провозгласил, что положения данного международного документа, которые противоречат Конституции Ирана, его внутреннему законодательству или мусульманскому праву, не являются обязательными для Ирана.

Конституция и законодательные акты Ирана не содержат положений, определяющих статус норм международного права, не обладающих международно-договорным статусом, применительно к их воздействию на внутренние правоотношения. Согласно иранской правоприменительной доктрине недоговорные нормы международного права становятся частью внутренней системы права только в том случае, если они прямо опосредуются соответствующим иранским нормативным правовым актом [5, с. 10]. С внутренней точки зрения иранского правоприменителя такое опосредование является вполне последовательным. Статьи 4, 72 и 170 Конституции ИРИ гарантируют, что в Иране подлежат применению только правила, в полной мере соответствующие исламскому праву.

Соответственно, нормы обычного международного права могут быть интегрированы в иранскую правовую систему только посредством их имплементации в иранский законодательный акт, гарантирующий, что эти нормы не противоречат исламскому закону Джафаритов.

Таким образом, нормы обычного международного права не оказывают влияния на правовую систему Ирана, если они не были преобразованы во внутреннее право посредством их трансформации во внутрииранский закон, который должен соответствовать исламскому праву, чтобы быть действительными.

Мусульманское право воспринимает себя как всеобъемлющее, рассматривая положения шариата как «божественный закон». Фактически этот правовой порядок сам по себе составляет существенную часть исламского послания о спасении [6, с. 36]. Основная догма мусульманского права состоит в том, что шариат охватывает все аспекты жизни и является авторитетным для каждого мусульманина, независимо от того, живет он в стране с мусульманским большинством или нет. Как следствие, исламское право фактически отрицает факт того, что жизнь отдельных мусульман или мусульманской общины может регулироваться правилами, выходящими за рамки исламского права.

Мусульманское право, воспринимая себя как всеобъемлющую правовую систему абсолютно-го характера, может принимать современное внутригосударственное и международное право только в отдельных аспектах, но не в целом. Иран как исламское государство отвергает свои обязательства по многим международным договорам, аргументируя это тем, что они не соответствуют в полной мере мусульманскому праву. Прежде всего Иран склонен выдвигать такого рода утверждения относительно универсальной действительности прав человека, оговоренных международными договорами и конвенциями.

Чтобы избежать договорных обязательств, несовместимых с исламским правом, многие исламские государства при ратификации международных договоров, включении их норм во внутригосударственное законодательство высказывали оговорки в отношении правил, которые, по их мнению, противоречат исламскому праву. Однако Иран на систематической основе продолжает оспаривать взятые им на себя обязательства выполнять положения международного договорного права, которые он считает несовместимыми с исламским правом, даже несмотря на то что он не делал никаких оговорок в этом отношении при подписании и

ратификации такого договора. Аятолла Хомейни — основатель Ирана — заявил, что он выступает против любого международного договора, если он несовместим с исламским правом [7, с. 181]. С точки зрения мусульманского права это мнение воспринимается логичным, поскольку принцип *pacta sunt servanda* согласно исламской доктрине может применяться только в том случае, если *šarī'a as* «Конституция ислама» соблюдается, потому что в противном случае исламское право даже не допускает заключения договора.

С точки зрения международного права отношения между мусульманским правом и международным правом, складывающиеся в Конституции и внутреннем законодательстве Ирана, довольно проблематичны. В то же время Исламская Республика Иран как суверенное государство является основным субъектом международного правопорядка, имеющего религиозно-нейтральный статус, мусульманское право воспринимает себя как идеальную правовую систему, имеющую вневременной характер, установленную Богом, а не людьми. Его единственными подданными являются умма (в границах ИРИ) и отдельные мусульмане.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о том, может ли мусульманское право, шариат как его ядро рассматриваться как особая система международного права, распространяющая свою юридическую силу во взаимоотношениях между Ираном и иными исламскими государствами. Следует прежде всего заметить, что сама внутренняя природа мусульманского права входит в конфликт с идеей правовой системы между различными государствами, регулирующей межгосударственные правоотношения на основе суверенного равенства сторон-участников. Соответственно, лишь отдельные положения мусульманского права могут быть частью определенной системы международного права, но не мусульманского права в целом. Можно утверждать, что хоть иранскими правоведами мусульманское право воспринимается как идеально-универсальный правовой порядок, являющийся обязательным для граждан Ирана и для каждого мусульманина, он не имеет прямого отношения к ныне действующей и признаваемой системе современного международного права. Однако применительно к Конституции и внутреннему законодательству отдельных исламских государств, прежде всего ИРИ, мусульманское право может приобретать перво-степенное значение, поскольку оно составляет базу и одновременно условие существования

правовой системы Ирана в смысле статьи 9 Конституции Республики Иран.

Ключ к пониманию связи между международным правом и мусульманским правом, составляющим основу Конституции Ирана и его внутреннего законодательного массива, заключается в том факте, что мусульманское право становится значимым для международного права лишь в той мере, в какой Иран (равно как и иные мусульманские государства) ориентируют свои внутренние законодательные и подзаконные нормативные правовые системы на соответствие шариату. Мусульманское право, несмотря на его претензии на абсолютную действительность, находится в прямой зависимости от государств, которые принимают и признают его как часть своей внутренней правовой системы и тем самым принимают на себя обязанности по его эффективному выполнению. Хотя миллионы мусульман во всем мире правомочны интерпретировать мусульманское право и шариат как обязательные для себя, именно отдельное государство, ярким примером которого является Исламская Республика Иран, решает ввести и обеспечить соблюдение мусульманского права определенной школы в своей внутренней сфере. Исламская Конституция Ирана интегрировала мусульманское право в отношении норм закона Джафари в свой внутренний правовой порядок, придав исламскому закону силу внутреннего права.

В международном праве нет нормы, согласно которой внутреннее право, несовместимое с международными обязательствами государства, автоматически становится недействительным. Вместе с тем, статья 27 Венской конвенции о праве международных договоров гласит: «Участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания своего невыполнения договора» [8].

Поскольку принцип, упомянутый в статье, является кодифицированной нормой обычного международного права, он является обязательным также для Ирана, как и иных государств, которые еще не ратифицировали Конвенцию. Как следствие, Республика Иран при решении того или иного правового спора, правоотношения в рамках которого подлежат регламентации нормами Конституции и внутреннего права ИРИ, не может ссылаться на него, чтобы воздержаться от выполнения своих обязательств в международной сфере. Этот принцип вытекает из принципа, что действия законодателя, в том числе конституционного законодателя, не могут рассматриваться как действия третьего лица, дей-

ствующего вне ответственности государства. Иранское государство как субъект международного права обязано выполнять свои обязательства и не может обеспечить оправдание не делать этого ссылками на положения мусульманского права. Таким образом, с позиций международного сообщества даже утверждение о том, что специфические особенности Конституции Ирана препятствуют внесению необходимых поправок во внутреннее законодательство, не влияет на международные обязательства. Следует признать, что, несмотря на закрепление в иранской Конституции и прочих законодательных актах положений об их приоритете над требованиями международного права, иранская юридическая наука признает обязанность государства приводить свои законы в соответствие с международными правовыми нормами как очевидное и первостепенное условие для обеспечения эффективности международного правопорядка и равноправного участия в нем суверенного Ирана.

В связи с этим мусульманское право Джафари, как и любой другой внутренний закон, включая Конституцию, не может применяться Ираном для отказа от выполнения своих международных обязательств. Следовательно, даже с учетом того, что статья 4 Конституции Ирана требует, чтобы все законы были основаны на мусульманском праве и не противоречили его правилам, это положение не может являться императивом для международных обязательств Ирана. В результате Республика Иран как полноправный член ООН несет определенную международную ответственность. Данное правило распространяется на выполнение Ираном своих обязательств в области прав человека вне зависимости от того, считаются ли они частично несовместимыми с законом Джафари и, следовательно, с Конституцией Ирана. Хотя Иран из-за особенностей своей Конституции может не выполнить свои международные обязательства в области прав человека без фундаментальных изменений своего конституционного строя, это требование тем не менее не влияет на его международные обязательства как члена ООН.

В завершающей части нашего исследования рассмотрим существующие варианты уклонения Ирана от международных обязательств, несовместимых с положениями его Конституции, базирующейся на нормах мусульманского права.

Исламская Республика Иран в отношении своих внешних договоров и обязательств в основном признает приоритет международного

права над мусульманским правом, несмотря на их фундаментальные различия. Ситуация правового конфликта возникает в том случае, когда Иран, равно как и иное исламское государство, отказывается быть связанным отдельными нормами международного права, которые, по мнению духовной и светской власти Республики Иран, нарушают положения мусульманского права. Отметим, что такого рода конфликтные ситуации возникают в основном в отношении универсального действия прав человека на территории страны. С точки зрения иранской конституционно-правовой доктрины «мирное сосуществование» норм конституционного, международного и мусульманского права относительно беспрепятственно в отношении договорных обязательств государства до тех пор, пока оно применяет обычные инструменты, предусмотренные международным правом для таких случаев. Иными словами, когда Иран как суверенный субъект международного права воздерживается от присоединения к соответствующим договорам или оформляет в установленном порядке оговорки в отношении отдельных положений многосторонних договоров.

Статья 2 п. 1 d) Венской конвенции о праве международных договоров определяет оговорку как: «...одностороннее заявление, независимо от формулировки или названия, сделанное государством при подписании, ратификации, принятии, одобрении договора или присоединении к нему, посредством которого оно имеет целью исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора в их применении к этому государству» [8].

Это определение является кодифицированной нормой международного права и, следовательно, обязательным для государств, которые не являются участниками Конвенции.

Таким образом, действительная оговорка предоставляет государствам инструмент, позволяющий исключить применение отдельных положений договора в отношении себя при одновременном отсутствии принуждения к отказу от присоединения к соответствующему договору. Иран сделал оговорку только в отношении Конвенции о правах ребенка. Его руководитель заявил, что Иран оставляет за собой право не применять какие-либо положения или статьи Конвенции, которые несовместимы с мусульманским правом и действующим международным законодательством.

На наш взгляд, коллизия между международным и конституционным правом Ирана, отдающим приоритет мусульманскому праву еще и в

том, что в исламском мире существует множество различных интерпретаций мусульманского права, которые частично противоречат друг другу. Подчас неясно, к какой школе исламского права относится оговорка. Оговорки неспецифического характера вызывают особые проблемы в отношении договоров о правах человека. Оговорки к таким договорам не должны быть настолько неспецифическими, чтобы люди не могли понять объем своих прав, установленных этими договорами. Из-за сомнительной действительности оговорки, заявленной Ираном, против него выступили несколько межгосударственных структур и правозащитных международных организаций.

Как уже упоминалось, Иран без каких-либо оговорок присоединился к многочисленным международным договорам о правах человека. Тем не менее ИРИ отвергла обязательства, вытекающие из Международного пакта о гражданских и политических правах, поскольку они воспринимаются как несовместимые с мусульманским правом. Мы выражаем сомнение, имеет ли аргументация правительства Ирана действительное основание в международном праве и есть ли у иных исламских государств возможность разрешать такие конфликты в пользу исламского права без нарушения своих международных обязательств.

Вследствие того что мусульманское право не имеет прямого отношения к системе международного права, нет и прямых последствий в отношении международных обязательств исламских государств, если эти обязательства нарушают мусульманское право. Следовательно, в международном праве нет оснований для отказа как такового от любых обязательств исламских государств, которые несовместимы с мусульманским правом в целом или шариатом. Следовательно, идея «молчаливой» подразумеваемой оговорки Ирана в отношении любого такого обязательства также должна быть отвергнута. Более того, такая оговорка была бы диаметрально противоположной принципу добросовестности, поскольку, если бы «молчаливая» оговорка была действительной, у участников договора не было бы уверенности в том, связаны ли другие стороны договором и в какой степени. Наконец, у иных государств — участников международного договора должна быть возможность реагировать на оговорку и возражать против нее, что вряд ли возможно в случае «молчаливой» оговорки.

Еще одна возможность для Ирана уклониться от обязательств, несовместимых с му-

сульманским правом, исходит из оговорки, сделанной после исламской революции в отношении международных обязательств Республики Иран, несовместимых с шариатом или мусульманским правом в целом. Между тем оговорка к нормативному документу международного права должна быть сделана не позднее, чем вместе с подписанием последнего акта, необходимого для придания договору обязательной силы. Этот принцип обычного международного права принят в статье 2 п. 1 d) и 19 Венской конвенции о праве международных договоров. Следовательно, последующая оговорка будет недействительной. Хотя даже недействительная оговорка может быть признана другими государствами-участниками, фактические основания для такого признания отсутствуют, поскольку официально Иран никогда не делал такой оговорки.

Следовательно, нет никаких сомнений в том, что Иран также связан договорами, к которым присоединился до Исламской революции 1979 года и создания Исламской Республики, хотя аятолла Хомейни заявил о своем неприятии всего, что противоречит мусульманскому праву, независимо от того, являются ли положения составной частью Конституции или международного договора. Согласно устоявшемуся принципу преемственности государств на идентичность государства не влияют изменения его конституционной системы, независимо от того, носили ли изменения революционный характер [9]. Следовательно, каждая последующая администрация государства наследует международные права и обязанности, установленные его предшественниками. Более того, принципиальная приверженность договорам о правах человека, к которым присоединилось правительство шаха Пехлеви, была однозначно признана духовными и светскими властями Республики Иран. Дополнительным доказательством является тот факт, что ИРИ никогда не оспаривала свое обязательство представлять отчеты Комитету по правам человека в соответствии со статьей 40 Международного пакта о гражданских и политических правах.

В заключение необходимо отметить, что мусульманское право признает внутреннее право исламского государства только в той мере, в какой оно соответствует мусульманскому праву. Правовая система Ирана пытается решить эту проблему, отдавая приоритет мусульманскому закону Джафари и предписывая и Конституции, и иному внутреннему законодательству полностью соответствовать ему.

Согласно статье 4 Конституции Ирана мусульманское право рассматривается как основа всех иранских законов и постановлений, и каждая норма, включая Конституцию, должна толковаться в его духе. Этот принцип также оказывает влияние на соотношение норм международного права и иранского права, поскольку статья 9 Гражданского кодекса Ирана устанавливает, что международные договоры, к которым присоединилась Республика Иран, по своей юридической силе равны законам, принимаемым Меджлисом, и ниже уровня Конституции. Следовательно, положения международных договоров в соответствии с внутрииранской иерархией правовых норм стоят ниже Конституции и мусульманского права.

С точки зрения международного права ни Конституция, ни мусульманское право не могут повлиять на международные обязательства Ирана. Мусульманское право является частью внутреннего права, и обязанность приводить внутреннее законодательство в соответствие с международными обязательствами государства — это устоявшийся принцип международного права. Юридические приемы, такие как «молчаливые» или последующие оговорки, должны быть отвергнуты, поскольку они не имеют юридической силы в международном праве.

Иран обязан соблюдать положения международных договоров в области прав человека, ратифицированные до Исламской революции 1979 года, независимо от того, признаются ли права, установленные нормами этих договоров, соответствующими мусульманскому праву или нет.

Примечания

1. Международное частное право: Иностранное законодательство / предисл. А.Л. Маковского; сост. и науч. ред. А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. М.: Статут, 2000. С. 300—305.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) // Действующее международное право. Документы в 2-х томах. Т. 2 / сост.: Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Юрайт, Международные отношения, 2007. 512 с.
3. Чашин А.Н. Римская доктрина как форма права в правовых системах СНГ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 77—81.
4. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 г. Принята Конференцией ООН на ее 6-м пленарном заседании 19 декабря 1988 г. Вступила в силу 11 ноября 1990 г. // Сборник

международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII. М., 1994.

5. Кудинов В.В., Вылцан С.В. Некоторые особенности системы источников права Исламской Республики Иран // Основные проблемы и тенденции развития в современной юриспруденции: сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции (Волгоград, 11 октября 2017 г.). Волгоград, 2017. С. 8—12.

6. Вальденфельс Г. Представление о спасении в разных религиях // Символ. 2003. № 46. С. 27—41.

7. Хамид Ансари. Имам Хомейни: Полит. борьба от рождения до кончины. М.: Палея, 1999. 447 с.

8. Венская Конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 г.) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLII. М., 1988.

9. Луконин Е.Н. Преемственность государства и проблема государственной непрерывности в международном праве // Современные научные исследования и инновации. 2018. № 2. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2018/02/85687> (дата обращения: 09.01.2021).

References

1. Private international law: Foreign legislation / preface by A.L. Makovsky; comp. and scientific ed. by A.N. Zhiltsov, A.I. Muranov. Moscow: Statute Publ., 2000. Pp. 300—305. (In Russ.)

2. The International Covenant on Civil and Political Rights (New York, December 16, 1966). *Current International law. Documents in 2 volumes. Vol. 2 / comp.: Yu.M. Kolosov, E.S. Krivchikova*. Moscow: Yurayt, International Relations Publ., 2007. 512 p. (In Russ.)

3. Chashin A.N. Roman doctrine as a form of law in the legal systems of the CIS. *Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia*, 2018, no. 2 (42), pp. 77—81. (In Russ.)

4. United Nations Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances of 20 December 1988 Adopted by the UN Conference at its 6th plenary meeting on December 19, 1988. Entered into force on November 11, 1990. *Collection of international treaties of the USSR and the Russian Federation*. Issue XLVII. Moscow, 1994. (In Russ.)

5. Kudinov V.V., Vyltsan S.V. Some features of the system of sources of law of the Islamic Republic of Iran. *Main problems and trends of development in modern jurisprudence: collection of scientific papers on the results of the International Scientific and Practical Conference (Volgograd, October 11, 2017)*. Volgograd, 2017. Pp. 8—12. (In Russ.)

6. Waldenfels G. The idea of salvation in different religions. *Symbol*, 2003, no. 46, pp. 27—41. (In Russ.)

7. Hamid Ansari. Imam Khomeini: Polit. struggle from birth to death. Moscow: Paleya Publ., 1999. 447 p. (In Russ.)

8. Vienna Convention on the Law of International Treaties (Vienna, May 23, 1969). *Collection of international treaties of the USSR*. Issue XLII. Moscow, 1988. (In Russ.)

9. Lukonin E.N. Continuity of the state and the problem of state continuity in international law. *Modern scientific research and Innovation*, 2018, no. 2. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2018/02/85687> (accessed 09.01.2021). (In Russ.)